

С.П. ШЕВЫРЕВ И Ф.И. БУСЛАЕВ: СВЯЗЬ И ПРЕЕМСТВЕННОСТЬ

Чапаева Любовь Георгиевна

*Д.филол.н., профессор, Московский педагогический
государственный университет
lg4@mail.ru*

S.P. SHEVYREV AND F.I. BUSLAEV: COMMUNICATION AND CONTINUITY

L. Chapaeva

Summary. The mutual relations of professor of the Moscow university S. P. Shevyrev and his disciple and follower F. I. Buslaev are examined in the article. A teacher defined scientific interests of famous philologist in a great deal, in particular his aspiration to study Russian in indissoluble connection of diachrony and synchrony.

Keywords: Shevyrev, Buslaev, teacher, disciple, Russian language, Church Slavonic language.

Аннотация. В статье рассматриваются взаимоотношения профессора Московского университета С.П. Шевырева и его ученика и последователя Ф.И. Буслаева. Учитель во многом определил научные интересы знаменитого филолога, в частности, его стремление изучать русский язык в неразрывной связи диахронии и синхронии.

Ключевые слова: Шевырев, Буслаев, учитель, ученик, русский язык, церковнославянский язык.

Степан Петрович Шевырев (1806–1864), один из «архивных юношей» в молодости, посещавший собрания «Общества любомудров», был известен как поэт и переводчик, публицист и историк литературы, профессор Московского университета, ведущий критик журналов «Московский вестник», «Московский наблюдатель», «Москвитянин», автор ряда филологических исследований («История поэзии», например).

Как филолог С.П. Шевырев увлеченно исследовал древности: перевел церковнославянскую грамматику с латинского языка, изучал славянские рукописи в Ватиканской библиотеке, старинные памятники отечественной литературы. О широте литературных и лингвистических интересов свидетельствует диапазон его переводов с древних и современных языков, объем академических курсов в университете, где он читал не только историю мировой поэзии, но и сравнительную историю церковнославянского и русского языков, историю русской словесности. Один из его учеников, принадлежащий к лагерю западников, вспоминал: «Второе полугодие было все посвящено преподаванию церковнославянского языка, что также было бесполезно, хотя вовсе не соответствовало университетскому курсу» [10. С. 52].

Магистерской диссертацией его было рассуждение о Данте («Дант и его век») (Кстати, и Ф.И. Буслаев, благодаря научным изысканиям Шевырева, заинтересовался «Божественной комедией», отмечал народность языка этого произведения, что тоже способствовало выбору собственного направления исследований: «старина» и «народность» были его девизом). Его докторская диссертация: «Теория поэзии в историческом ее развитии

у древних и новых народов» (защищена в 1836 году в Москве, и, по замечанию И.В. Ягича, «диспут был блестящий при многолюдном собрании» [11. С. 660]. Лекции Шевырева печатались в различных журналах, и в целом его исследования неоднократно переиздавались.

В современной отечественной науке Степана Петровича Шевырева принято относить к сторонникам «официальной народности», но, например, Буслаев считал его взгляды вполне славянофильскими. По мнению И.В. Ягича, Шевырев не был ни полным славянофилом, ни безусловным сторонником «официальной народности», «но научный интерес, посвящаемый им преимущественно русской литературной старине, не встречал сочувствия у Белинского, Герцена и прочих западников, опасавшихся, что с такими занятиями, как восхваление древнерусской литературы, сопряжена ретроградность» [11 С. 661]. В.Г. Белинский написал известный памфлет «Педант. Литературный тип», где пародийно пересказывал идеи Шевырева [1].

С язвительностью отзывался о нем и Герцен, в частности, о его лекциях, в которых преобладало описание «прелестей духовных писателей восточной церкви». В то же время И.В. Киреевский отмечал, что лекции Шевырёва являют собой «новое событие нашего исторического самопознания», открывают «богатое царство нашего древнего слова» [5. С. 11], и благодаря Шевырёву зарождается история древнерусской литературы как особая наука. И.В. Киреевский считал, что в лекциях и научных исследованиях Шевырёва «нет борьбы русского просвещения с западным», поэтому и восторг, и резкое неприятие его идей необъективны [Там же.

С. 12–13]. Как справедливо заметил Ю. Манн, в статьях и рецензиях Шевырёва «зерна перемешаны с плевелами» [6. С. 240]. Тем не менее, в 30-х годах Шевырев был одним из самых образованных русских филологов, его мнения о многих предметах опирались на широкие знания не только русской, но и мировой истории, литературы и языкознания. В частности, любопытны его интерпретации Пушкина и Гоголя, особенно на фоне общей достаточно холодной оценки и непонимания прозы Пушкина, появившейся в это время. Шевырёв одним из первых очень высоко оценил повести Пушкина (подробнее о лингвистических взглядах С. П. Шевырева см.: [9]).

Федор Иванович Буслаев поступил в Московский университет в 1834 году, когда там преподавали Н. И. Надеждин, М. П. Погодин, С. П. Шевырев, Т. Н. Грановский. «Новые тогда профессора Шевырев, Надеждин и Давыдов — производили огромное влияние на студентов», — писал И. А. Гончаров. Их лекции «были благотворны для слушателей по новости, смелости идей, языка — они сближали науку и искусство с жизнью, изломали рутину, прогнали схоластику и освежили умы слушателей — внесли здравый критический взгляд на литературу» [4 С. 228–229]. За четыре года обучения в Московском университете Буслаев, благодаря им, основательно изучил древние языки, и не только церковнославянский, палеографию, свободно читал по-польски, изучал еврейский язык. Его воспоминания о своих учителях наполнены любовью, теплотой и благодарностью, несмотря на некоторые разногласия и переоценку их научных достижений. Но главным своим Учителем он считал Степана Петровича Шевырева. Он впервые на чтении древнерусских памятников познакомил Буслаева с историей языка и вызвал в нем ответный интерес к этой области. В своих воспоминаниях он называет его не иначе, как «любимый дорогой мой профессор», «мой дорогой наставник» [3. С. 185; С. 406].

Как отмечал М. П. Погодин, своими успехами в языке Шевырёву обязаны Буслаев, Самарин, Фет и др. [8. С. 22]. Ф. И. Буслаев вспоминал, что С. П. Шевырёв развивал у слушателей любовь к русскому языку, «знакомил с элементами книжной речи в языке церковнославянском и русском, отличая в нем народные или простонародные формы от принятых в разговоре образованного общества», читал со студентами «летопись Нестора», художественные произведения от Ломоносова до Пушкина, и «при этом вдавался в разные подробности из книг Шишкова о старом и новом слоге, из заметок Пушкина о русском народном языке» [7. С. 217–218]. «Все это, низведенное теперь в программу средних учебных заведений, было тогда свежее новостью на университетской кафедре...» [3. С. 134]. «Эти лекции Шевырева, — продолжает Федор Иванович, —

производили на меня глубокое, неизгладимое впечатление, и каждая из них представлялась мне каким-то просветительным откровением, дававшим доступ в неисчерпаемые сокровища разнообразных форм и оборотов нашего великого и могучего языка. Я впервые почувствовал тогда всю его красоту и сознательно полюбил его. Чтобы дать вам понятие о силе животворного действия, оказанного на меня Степаном Петровичем в его филологических наблюдениях и анализах, достаточно будет сказать, что они воодушевляли меня и были положены в основу моих грамматических и стилистических исследований, когда я работал над составлением моего сочинения: «О преподавании отечественного языка» (издано в 1844 г.). Невыразимо радостно и лестно было мне видеть в экземпляре этого сочинения, подаренном мною С. П., отметки его собственной рукою на полях страниц: «моя мысль», «мое замечание» [Там же. С. 134]. Привлекал его в профессуре и неподдельный интерес, воодушевление, с которым тот буквально на глазах студентов приходил к каким-то заключениям.

Буслаев достаточно быстро стал помощником Шевырева, его ассистентом. Он готовил для него практические материалы, например, «составил систематический свод грамматик: Смотрицкого, Ломоносова, академической, больших, или полных, грамматик Греча и Востокова и церковнославянской Добровского» [3. С. 140]. И благодаря этой работе смог стать замечательным учителем русского языка, и когда был домашним учителем, по его словам, пользовался «сколько нужно и возможно лекциями С. П. Шевырева» [Там же. С. 196].

Благодаря Шевыреву Буслаев так же высоко ценил творчество и роль в создании русского литературного языка Карамзина и Пушкина, он писал, что «Карамзин и Пушкин были мне авторитетными руководителями в моих грамматических соображениях. Первый щедро рукою брал в свою прозу меткие слова и выражения из старинных документов, а второй украшал свой стих народными формами из сказок, былин и песен. Этот великий поэт всегда ратовал за разумную свободу русской речи против беспощадного деспотизма, против условных, ни на чем не основанных предписаний и правил грамматики Греча, которая тогда повсеместно господствовала. Еще на студенческой скамейке из лекций профессора Шевырева я оценил и усвоил себе это заветное убеждение Пушкина и старался сколько мог провести его в своих разрозненных исследованиях о языке и слоге, помещенных во второй части моего сочинения «О преподавании отечественного языка» [Там же. С. 284].

В начале сороковых годов Буслаев, кроме обязанностей домашнего учителя у графа Строганова, препода-

вал в гимназии и продолжал оставаться помощником Шевырева на кафедре русской литературы: проверял сочинения, домашние задания и передавал различные поручения профессора.

О высокой оценке достижений своего ученика Шевыревым говорит такой эпизод. Когда Буслаев защищал магистерскую диссертацию «О влиянии христианства на славянский язык. По Остромирову Евангелию», был серьезный диспут, на котором присутствовал и Шевырев, сделавший замечания к работе. Буслаев приводит в одном из писем любопытные факты: «в слове *колымага*, *колыма* — определил (Шевырев.— Л.Ч.) двойственным числом (от формы *коло*) — *колесо*; в выражении русских песен: «спела тетивка», по академическому словарю, видел *готовую*, *быструю* тетиву, тогда как по-моему она поет...» [Там же. С. 309–310], но общий вывод учителя был чрезвычайно положительный. После этого экзамена Шевырев спорил с Крюковым, который принимал философию, о том, кому больше обязан Буслаев своим образованием (спор имел под собой и идеологическую подкладку: Крюков был западником и казался Шевыреву анархистом и атеистом).

И палеографией Буслаев стал заниматься по рекомендации Шевырева: когда к юбилею университета готовились различные издания (между прочим, Шевырев написал историю Московского университета), Буслаеву было поручено Шевыревым описание нескольких рукописей, где его заинтересовали заставки и заглавные буквы, т.е. орнаменты, изучению которых впоследствии Буслаев посвятил много времени.

После того, как Буслаев в 60-х гг. стал профессором университета, он читал лекции по сравнительной грамматике и истории русского языка, но в конце концов решил сосредоточиться на народной словесности и древнерусской литературе. Говорил он о себе, что «по разнообразию предметов, на которые расходуя силы, я принадлежу к поколению стародавних профессоров, моих наставников» [Там же. С. 364], в числе которых на первом месте называл Шевырева.

На протяжении многих лет Буслаев писал Шевыреву (он часто бывал за границей как домашний учитель), хранил о нем добрую и благодарную память. Есть только один эпизод, слегка омрачивший их отношения. В 1846 году в «Отечественных Записках» была напечатана рецензия на часть опубликованных лекций Шевырева из «Истории поэзии». Поскольку эти рецензии Буслаев писал в соавторстве с западником Алексеем Галаховым, поклонником и сторонником Белинского, то в рецензии есть «камешки в огород» славянофильских высказываний Шевырева, например: «Шевырев хотя и просвещенный филологией западную, смотрит на нее весьма подозрительно и в филологах немецких видит каких-то нам недоброжелателей» [2. С. 19]. Буслаев вспоминал, что иногда одну и ту же статью они писали вдвоем, так что впоследствии он уже и не мог отличить, что принадлежит ему, а что Галахову.

С горечью писал Буслаев о вспыльчивом и нетерпимом характере Шевырева, что стало причиной его отставки и увольнения из Московского университета: подрался с графом Бобринским на одном из заседаний Общества истории и российских древностей в 1856 году. Буслаев после него стал заведовать той же кафедрой Московского университета.

Буслаев любил преподавать и считал это поприще чрезвычайно важным. Он писал: «Профессор, как бы специально ни предавался он своей науке, отличается от ученого вообще тем, что он передает науку слушателям, что он лично излагает перед ними свои исследования и убеждения и руководит их живым словом и примером» [3. С. 508]. И именно эти качества были у его учителя Степана Петровича Шевырева. Впрочем, как и у самого Федора Ивановича Буслаева.

В заключение следует заметить, что как филолог-лингвист Степан Петрович Шевырев незаслуженно забыт. Для своего времени он был фигурой заметной и безусловно сыграл важную роль в становлении историко-лингвистической науки. По крайней мере, как мы видим, формирование знаменитого ученого — Федора Ивановича Буслаева — было бы невозможно без его плодотворного влияния.

ЛИТЕРАТУРА

1. Белинский В. Г. Педант. Литературный тип // Отечественные записки. 1842. Т. XXI. № 3. С. 39–45.
2. Буслаев Ф. И. (рец.) История русской словесности, преимущественно древней. Том первый. Москва. 1846 // Отечественные записки. 1846. Т. XLVI. № 5. С. 17–36.
3. Буслаев, Ф. И. Мои Досуги. Воспоминания. Статьи. Размышления. М.: Русская книга, 2003. 608 с.
4. Гончаров И. А. Статьи, заметки, рецензии, автобиографии // Собр. соч. в 8 томах. Т. 8. М.: Гос. Изд-во художественной литературы, 1955. С. 5–230.
5. Киреевский И. В. Полн. собр. соч.: В 2 т. / Под ред. М. Гершензона. М.: Книгоиздательство «Путь», 1911.
6. Манн Ю. В. Русская философская эстетика. М.: МАЛП, 1998. 381 с.
7. Московский университет в воспоминаниях современников (1755–1917). М.: Современник, 1989. 735 с.

8. Погодин М. П. Воспоминание о Степане Петровиче Шевыреве. Спб.: Печатня В. Головина, 1869. 60 с.
9. Чапаева Л. Г. Синтетизм лингвистической концепции С. П. Шевырева // Известия высших учебных заведений. Северо-Кавказский регион. Серия: Общественные науки. 2006. № 3. С. 112–115.
10. Чичерин Б. Н. Москва сороковых годов М., 1997. 304 с/
11. Ягич. И. В. История славянской филологии. М., 2003. 976 с/

© Чапаева Любовь Георгиевна (lg4@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

